

ТУРГЕНЕВСКОЕ ОБЩЕСТВО

Тургеневский сборник

Выпуск 2

*К 185-летию
со дня рождения И. С. Тургенева*

*Москва
2004*

ТУРГЕНЕВ В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИИ НЕМЕЦКОГО САМОСОЗНАНИЯ

«Познай самого себя», - гласила надпись на фронтоне храма Аполлона в Дельфах. Не в этих ли словах заключен высший смысл человеческого бытия? Ведь познавая себя, мы познаем Вселенную - ибо человек есть микрокосмос, Бога —ибо он создан по образу и подобию Его.

Но как познать себя, не познавая мир? Мы осознаем себя, свое неповторимое и единственное «Я», лишь сопоставляя его с другим «Я». Иными словами, окружающий нас мир есть зеркало, в котором мы ищем свое отражение. Это относится к духовной жизни и отдельного человека, и целого народа. Осознание своей уникальности, особенностей своего национального характера и исторической судьбы приходит лишь в результате сравнения себя с другими.

Исходя из вышесказанного, попытаемся выяснить, чем интересен и близок был И.С. Тургенев немецким читателям и каким образом знакомство с его творчеством наводило их на размышления о специфике своего менталитета, о проблемах собственного бытия.

И.С. Тургенев стал известен немецким читателям в 1854 году, когда в Берлине в переводах А. Видерта и А. Больтца были изданы «Записки охотника».

В 1862 году в Лейпциге вышло в свет «Дворянское гнездо» в переводе П.Фухса; ряд переводов произведений русского писателя публиковался в периодической печати. В 1862-1863 годах в Мюнхене появилось собрание сочинений И.С. Тургенева в переводе Ф. Боденштедта. С этого времени его произведения окончательно входят в круг чтения образованной немецкой публики.

О немецких переводчиках И.С. Тургенева, об освещении его творчества в немецкой критике и, наконец, о знакомых писателя в литера-

турных кругах Германии написано немало¹. Однако многочисленные свидетельства широкого распространения произведений И.С. Тургенева в Германии и интереса к нему видных деятелей немецкой культуры отнюдь не являются доказательствами того, что писатель был безоговорочно принят всеми немецкими читателями. Так, профессор Кенигсбергского университета Людвиг Фридлендер² в статье, опубликованной в одной из аугсбургских газет в августе 1868 года, пытался выяснить, почему И.С. Тургенев так мало известен в Германии.

В начале статьи автор отмечает, что ситуация, сложившаяся к тому времени в литературе, должна была бы благоприятствовать успеху рассказов И.С. Тургенева. Во-первых, современная эпоха характеризуется небывалым интересом к культуре других народов, в результате чего появилось множество сочинений, интересных лишь в качестве иллюстраций к народоведению и страноведению. Во-вторых, в 1860-е годы в Германии были в моде рассказы о крестьянской жизни. И вот появляются «Записки охотника», открывающие совершенно незнакомый мир русской деревни, но... читают их немногие. Почему?

Главная причина, по мнению Л. Фридлендера, заключается в «бесконечно печальном содержании этих рассказов». Мир, в который попадает читатель, «пустынен и мрачен»; свет счастья не озаряет и не согревает его. В них нет героев; темным силам, врывающимся в жизнь, сопротивление немислимо. Они не только разбивают благородные сердца, но мучают и терзают их. В результате мечты о счастье разбиваются и все оканчивается отчаянием или самоотречением³.

¹ Dornacher K. Die Rezeption I.S. Turgenews in Deutschland. Potsdam, 1962; Hock H. Turgenew und die deutsche Literatur. Gottingen, 1953; Laage K. Th. Storm und I.Turgenew, Heide in Holstein, 1967; Schwirtz G. Turgenew in Deutschland .Jena 1974; Turgenew und Deutschland. Berlin, 1965; Wiegand K. Turgenew's Einstellung zum Deutschland. Hamburg, 1938; Томан И.Б. Тургенев и немецкая культура// Тургеневский сборник. Вып. I. М., 1998. С. 31-71

² Фридлендер Людвиг (1824-1909) - профессор классической филологии Кенигсбергского университета (1858-1892); в сентябре 1869 и в октябре 1871 г. посетил Тургенева в Баден-Бадене; автор воспоминаний о Тургеневе.

³ Ziegengeist G. Ein Brief Turgenews an Prof. L. Friedlander// Turgenew und Deutschland. Berlin, 1965. S.81

Данная характеристика во многом совпадает с основными идеями неопубликованной рецензии Т. Фонтане конца 1870-х годов, который, в отличие от Л. Фридлиндера, не был тогда поклонником творчества Тургенева.

Т. Фонтане упрекает русского писателя в отсутствии идеалов и стремлений, убеждений и мировоззрения, причисляя его к категории «пессимистов». Пессимизм же в литературе, по мнению Т. Фонтане, означает преобладание мрачного и безобразного, а также отсутствие со стороны автора попыток объяснить действительность \

Итак, оба критика отмечают преобладание мрачного в творчестве И.С. Тургенева. При этом Т. Фонтане безусловно осуждает русского писателя. В то же время Л. Фридлиндер, соглашаясь с тем, что сюжеты, производящие тягостное впечатление, должны быть исключены из художественного творчества, все же считает возможным сделать для И.С. Тургенева исключение, ибо к его произведениям неприменимы формулы академической эстетики^{4 5}.

Автор изданной в Лейпциге книги о И.С. Тургеневе Б. Торш также говорит и об отсутствии сильных героических личностей в творчестве писателя, и о его глубоком пессимизме. Однако то, с чем мирится Л. Фридлиндер и не принимает Т. Фонтане, как раз и привлекает Б. Торша. «Герои Тургенева, - отмечает он, - слабые одиночки. Они не мученики и не святые; они, как все. Однако большинство из них - трагические герои, обладающие благородными чертами».

Как и Т. Фонтане, Б. Торш называет И.С. Тургенева пессимистом, однако в его устах это скорее похвала, чем порицание. «После чтения его книг, - пишет он, - возникает такое ощущение, что вся красота мира поблекла. Однако потом и в душе читателя рождается новый мир - не фантастический и надуманный, а мир глубоких и сильных чувств»⁶.

Как видим, Б. Торш ценит И.С. Тургенева за отсутствие ложного пафоса, правдивость и благородную простоту. На данные осо-

⁴ Hock E. Fontanes Verhaeltnis zur Erzählkunst Turgenews// Turgenew und Deutschland. S.309

⁵ Ziegengeist G. Ibid. S.81

⁶ Torsch B. Ivan Turgenew. Charakterbild eines modernen Dichters. Leipzig, 1886. S.40, 79-80

бенности творчества русского писателя обращали внимание практически все писавшие о нем немецкие критики. Это в конце концов оценил в И.С. Тургеневе и Т. Фонтане.

В письме к Л. Пичу⁷ от 23 декабря 1883 года он пишет следующее: «Вы упомянули Менцеля⁸ и Тургенева. На обоих я смотрю, как на своих учителей».

По мнению германского исследователя Э.-Т. Хока, Т. Фонтане был первым из немецких писателей, который признал непосредственное влияние И.С. Тургенева на свое творчество. Едва ли Т. Фонтане просто хотел угодить другу И.С. Тургенева: это было не в его характере. Лучше всего, как считает Э.-Т. Хок, данную фразу объясняет состоявшийся ранее разговор Т. Фонтане с Р. Линдау⁹. Этот разговор был записан Т. Фонтане, что свидетельствует о придаваемом ему значении.

По свидетельству Т. Фонтане, Р. Линдау сказал следующее: «Если Вы почитаете Тургенева так же, как я, то едва ли Вам близка современная новеллистика, особенная немецкая. Ей недостает правдивости, объективности, реализма. Герои постоянно говорят и делают то, что они делать и говорить никак не могут»¹⁰.

Это и ряд других свидетельств наводит на мысль о том, что И.С. Тургенев интересовал западного читателя не только своими образами русской жизни, но и тем ещё, что эти образы помогали лучше понять и себя, и окружающую действительность. Так, например, Ю. Шмидт¹¹ в своей статье о И.С. Тургеневе рассуждает о роли религии в России и Европе. По его мнению, разрыв между образованными классами и народом в России намного заметнее, чем в Европе. Причину этого он видит в том, что православная церковь не была связана с просвещением и не отвечала духовным запросам времени.

⁷ Пич Людвиг (1824-1911) - художник, литератор; автор рецензий на произведения Тургенева, с которым его связывали дружеские и деловые связи; автор воспоминаний о Тургеневе.

⁸ Менцель Адольф (1815-1905) - художник, знакомый Тургенева

⁹ Линдау Рудольф (1829-1910) - писатель, журналист; знакомый Тургенева

¹⁰ Носк Е. Ibid. S.317-318, 327

¹¹ Шмидт Юлиан (1818-1886) - журналист, критик, историк литературы; знакомый Тургенева и автор воспоминаний о нем.

В результате национальная религия была вытеснена в сферу исключительно народной жизни, в то время как высшие классы черпали свои идеалы на чужбине. Что касается образованного европейца, то в его внутреннем мире религия занимает куда более заметное место. И католическая, и протестантская церковь, даже в том случае, когда выступали против прогрессивных идей, никогда не порывали с высокой культурой. «Все мы, даже если издеваемся над святыней, все-таки гораздо более религиозные и добрые христиане, нежели сами думаем. Слово Божие твердо запечатлено на нашей совести, хотя мы и не всегда сознаем это»¹², - считает Ю. Шмидт.

Подобный несколько оптимистически-наивный вывод вполне согласуется с настроениями, весьма распространенными в то время в немецком образованном обществе. Вера в разум и прогресс была велика, и многие думали, что самое страшное в истории человечества осталось позади...

Что касается нигилизма, то Ю. Шмидт видел в нем, как и в панславизме, лишь внешнюю опасность.

«Нигилизм - злая сила, но все-таки сила, - отмечает он. - На эту силу и мы, иностранцы, должны обратить внимание. Нигилизм - изливание ненависти, которая может быть направлена и на другие пути. В этом заключается и опасность панславизма, вращающегося до сих пор в литературных кружках. Русский народ, как это теперь доказано, способен отдаться великой страсти. Если эта страсть возвысится на степень культа - чего-то вроде религиозного исступления, - то она может сделаться опасной для Европы»¹³.

XX век выявил таящиеся в человечестве, в том числе и в образованных европейцах, страшные иррациональные инстинкты, о масштабе которых в XIX веке мало кто догадывался. Оказалось, что не один только русский народ способен отдаться страсти и исступлению. Вероятно, это явилось одной из причин повышенного интереса к русской литературе, в которой проницательные читатели увидели не только источник информации о «загадочной русской душе». Оказалось, что отраженные в ней проблемы носят общечеловеческий характер. Более того, русская литература XIX века оказалась в

¹² Иностранная критика о Тургеневе. СПб., 1884. С.29-30

¹³ Там же, С.28

какой-то степени пророческой по отношению к европейским событиям XX века, и обращение к ней способствовало отчасти прояснению их внутреннего смысла.

Одним из проницательнейших европейских читателей И. С. Тургенева в XX веке был Томас Манн, впервые познакомившийся с его творчеством в 1895 году, в возрасте 20 лет ¹⁴. Следует сказать, что в своей эссеистике и критических статьях Томас Манн неоднократно обращался к русской литературе, особенно к Достоевскому и Толстому. Интерес к ней зачастую сопряжен у него со стремлением постичь специфику немецкого менталитета и как следствие - исторической судьбы немецкого народа. Данная связь особенно заметна в «Наблюдениях аполитичного», написанных в годы Первой мировой войны.

Подробно останавливаться на их содержании я не буду, так как оно, скорее всего, известно российским читателям. Напомню лишь об одной из основных идей данного произведения. Не приемля всеобъемлющей политизации современного ему общества, Томас Манн говорил о присущей немецкому народу аполитичности, что для него в то время было тождественно внутренней свободе, высшей духовности и отсутствию национального эгоизма. Примечательно сходство его рассуждений с рассуждениями славянофилов о характере русского народа, что, впрочем, свидетельствует скорее о родстве идей, нежели о прямом заимствовании.

Для доказательства своих идей и для проведения исторических аналогий Т. Манн обращается к многочисленным мыслителям прошлого и настоящего, в том числе и к русским писателям XIX века, среди которых был И.С. Тургенев.

Утверждая необходимость для писателя свободы творчества, настаивая на недопустимости для него принадлежать к каким-либо политическим группировкам или идейным лагерям, Т. Манн упоминает И.С. Тургенева, который в романе «Отцы и дети» критически, но беспристрастно и справедливо изобразил двух антиподов - аристократа Павла Петровича Кирсанова и нигилиста Базарова. Далее Т. Манн говорит о русских критиках Тургенева из революционно-демократического лагеря, увидевших в образе Базарова карикатуру на " Hofman A. Thomas Mann und Turgenev//Turgenev und Deutschlnd.

оппозиционную молодежь, и затем цитирует характеристику, данную Базаровым своему другу Аркадию, оказавшемуся духовно ближе к «отцам». Напомним, что в романе она звучит следующим образом: «Для нашей терпкой, бобыльной жизни ты не создан. В тебе нет ни дерзости, ни злости, а есть молодая смелость да молодой задор; для нашего дела это не годится. Ваш брат дворянин дальше благородного смирения или благородного кипения дойти не может, а это пустяки. Вы, например, не деретесь - и уж воображаете себя молодцами, - а мы драться хотим. Да что! Наша пыль тебе глаза выест, наша грязь тебя замарает, да ты и не дорос до нас, ты невольно любишь себя, тебе приятно самого себя бранить; а нам это скучно - нам других подавай! Нам других ломать надо! Ты славный парень, но все-таки ты мякенький, либеральный барич!»¹⁵

Т. Манн цитирует данные слова не полностью и не совсем точно. В его передаче они звучат так: «Сын Кирсанова не обладает ни дерзостью, ни злостью. Подобные ему не пойдут далее благородного смирения или благородного негодования; и то, и другое - фарс. Мы хотим бороться, а вы - бранить сами себя, мы хотим других бранить и ломать; ты же остаешься лишь мягким, либеральным баричем»¹⁶. Как видим, в цитате, приведенной Т. Манном, отсутствуют слова, указывающие на склонность Аркадия и подобных ему людей к самолюбованию, на их слабость и изнеженность, на отсутствие у них не столько желания, сколько способности и сил бороться. Кроме того, эти рассуждения Т. Манн по забывчивости или сознательно (что более вероятно) приписывает не Базарову, а критикам Тургенева из радикального лагеря. Чем объяснить столь явные неточности? Вероятно, дело в том, что данная характеристика, по мнению Т. Манна, подходит не только Аркадию Кирсанову, но и самому И.С.Тургеневу. Отсюда понятно, почему Т. Манн смягчил психологический портрет Аркадия, изъяв из него то, что, во-первых, могло бросить тень на любимого им писателя, а, во-вторых, то, что отвлекало внимание от основной идеи автора «Наблюдений аполитичного»: писатель должен быть над схваткой! Следует попутно заметить, что Т. Манн привлекает в данном случае в Тургеневе то, что в свое время оттал-

¹⁵ Тургенев И.С. Собр.соч. в 12-ти томах. Т.3.М., 1976. С.314

¹⁶ Mann Thomas. Betrachtungen eines Unpolitischen. Frankfurt am Main, 1983. S.292

кивало Т. Фонтане, а именно «отсутствие идеалов и стремлений, убеждений и мировоззрения».

Впрочем, есть еще одна причина, заставившая Т. Манна несколько сократить и упростить рассуждения героя Тургенева. По его мнению, они отражают взгляды не только русских радикалов середины XIX столетия, но также и современных политиков и связанных с ними литераторов, стремящихся лишь к внешнему переустройству мира, забывая о главном - необходимости внутреннего самосовершенствования каждого человека. По мнению Т. Манна, фраза «вы хотите сами себя бранить, а мы - других бранить и ломать» есть формула, точнее всего выражающая смысл таких антиномий как этика и социальная филантропия, пуританизм и якобинство, христианство и социализм. Этот список антиномий можно продолжить, обратившись к предисловию «Наблюдений аполитичного», в котором автор, коротко излагая основные положения своей работы, называет антиномии, носящие более обобщенный характер: дух и политика, душа и общество, свобода и избирательное право и, наконец, культура и цивилизация¹⁷.

И все же, несмотря на глубину и убедительность рассуждений Т. Манна о Тургеневе, нельзя не заметить, что, актуализируя и зачисляя в свои единомышленники русского писателя, он вольно или невольно несколько упрощает его идеи. Чего стоит, например, фраза Т. Манна: «Вот формула!: Вы хотите сами себя бранить, а мы - других бранить и ломать»¹⁸. Но только у Тургенева не совсем так, и дело здесь не в словах. Тургенев намекает на склонность не к самокритике, а к самобичеванию, незаметно переходящему в самолюбование: «Ты невольно любишь себя собою, тебе приятно самого себя бранить».

Но вернемся к Томасу Манну. Способность к самоосуждению, способность стать палачом своих собственных убеждений - вот что восхищает его в Тургеневе, в котором он видит истинного эстета в самом лучшем смысле этого слова, свободного от всякой тенденциозности и политического волонтаризма. В качестве примера подобного «самоистязания и аскезы» Томас Манн обращается к образу

¹⁷ Mann Thomas. Ibid.S.31

¹⁸ Mann Thomas. Ibid.S.293

Паншина из «Дворянского гнезда», которого считает самопародией Тургенева¹⁹. Томаса Манна поражает и восхищает то, что западник Тургенев представляет западника Паншина поверхностным и самоуверенным молодым человеком, все доводы которого о необходимости коренных реформ разбивает славянофил Лаврецкий (см. гл. XXXIII). Не совсем бесспорное утверждение о славянофильстве Лаврецкого оставим в стороне; что же касается Паншина, то в его речах чувствуется не столько западник, сколько государственник, твердо верящий во всеилие бюрократического аппарата. Таким образом, утверждение Манна о том, что Паншин - самопародия Тургенева, - представляется не совсем бесспорным.

В «Наблюдениях аполитичного» Т. Манн также обращается к роману Тургенева «Новь». Если Т. Фонтане совершенно непонятна идея «хождения в народ» и Нежданов представляется ему героем скорее комическим, нежели трагическим, самоубийство которого ничем не обосновано²⁰, то отношение Т. Манна к роману намного сложнее. Он видит бессмысленность самопожертвования Нежданова, этого «тонкокожего революционера» и «политизированного эстета», который никогда не сольется с народом, хотя бы только потому, что не может пить водку. Однако, в отличие от Т. Фонтане, он испытывает к русским народникам уважение, сравнивая их искренность и самоотверженность с пустословием и равнодушием современных политиков, которые никогда не откажутся от комфорта и жизненных благ во имя того, чтобы реально помочь народу. Что касается самоубийства Нежданова, то Т. Манн считает его вполне закономерным. Однако его причина заключается не только в том, что Нежданов благородного происхождения и не в состоянии слиться с народом. Нежданов - человек искусства, а искусство не может служить ни демократическому прогрессу, ни системе. В этом, по мнению Т. Манна, и заключается тот смысл, который вкладывал Тургенев в самоубийство Нежданова²¹.

В статье о Теодоре Шторме Т. Манн вновь обращается к Тургеневу. На этот раз цель его заключается в том, чтобы посредством

¹⁹ Mann Thomas. Ibid. S.313

²⁰ Нок Е. Ibid. S. 308

²¹ Mann Thomas. Ibid.S. 395-396

нения двух писателей более ярко и рельефно обрисовать личность и творчество Теодора Шторма. Примечательно, что статья начинается с рассказа о встрече Теодора Шторма с Тургеневым в сентябре 1865 года в Баден-Бадене. Т. Манн отмечал их внутреннее духовное родство, проявлявшееся так или иначе в принадлежащих им произведениях - в чувствах, форме, настроении, отношении к прошлому. По мнению Т. Манна, в лице этих писателей европейская литература XIX века достигла высшей точки своего развития. В то же время он подчеркивает их несходство, различные грани творчества. Теодор Шторм тесно связан со своей «малой родиной» - Хусумом и Хадемаршенем. Тургенев, со своей славянской художественной меланхолией, - более европеец. В связи с этим Т. Манн выделяет произведения, характеризующие различие талантов обоих писателей. Так, получивший европейскую известность роман «Отцы и дети», отражающий общественно-политические проблемы, мог выйти из-под пера только Тургенева. Что касается «Всадника на белом коне» Т. Шторма, то для создания этого произведения с его мистической связью между человеческой трагедией и древними тайнами природы, тяжелой и темной морской стихией было недостаточно того чувства природы, которым обладал Тургенев, ибо, по мнению Т. Манна, он был прежде всего психологом и рассказчиком.

Тургенев принадлежит к тем великим творцам, чьи произведения не ограничиваются одной лишь эпохой их создания. Каждое новое поколение видит в них нечто свое. Отсюда - возможность их бесконечных интерпретаций, определяемых бесконечными трансформациями и обогащением духовного опыта человечества. И все же, подобно тому, как ни одна теория, ни одна логическая конструкция не может адекватно отразить поток исторического бытия, так и литература - она всегда останется темной бездной, в самую глубь которой не проникнет и самый пронизательный взгляд. Однако, несмотря ни на что, хочется безотрывно смотреть в эту бездну, пытаясь разглядеть среди колеблющихся на ее поверхности отражений и свое собственное.

²² Mann Thomas. Theodor Storm // Mann Thomas. Leiden und Grosse der Meister. Frankfurt am Main, 1983. S.564-566